

Когда человек умирает...

*Когда человек умирает –
Изменяются его портреты.*

А. Ахматова

Их замечаешь, начинаешь о них думать, когда их уже нет. Когда человек умирает, изменяются не только его портреты, изменяется наше видение его. Открывается нечто такое, что не виделось глазом при его жизни.

Я хочу написать сейчас не о близких, не о друзьях и любимых, это слишком тяжело и больно. О чужих, в сущности, людях – соседях. Живёт человек где-то невдалеке от тебя, встречаешься с ним во дворе, в подъезде, у водопроводной колонки, в магазине, общишься с ним ничем не значащими фразами. И человек этот не занимает никакого места в твоей жизни, для тебя его как бы и нет. Так, некая деталь дворового антуража, вроде лавочки у подъезда. И вдруг в один прекрасный день до тебя доносятся звуки траурного марша, женские причитания. Ты выходишь на балкон и всматриваешься сверху в окаменевшие, с трудом узнаваемые черты покойника в обрамлении цветов и траурных лент. В памяти вспыхивают какие-то сценки, реплики, фрагменты бытия, связанные с этим человеком. И многое предстаёт уже в ином свете.

В прошлом году умерла одинокая пожилая женщина из соседнего подъезда. Когда-то она работала на нашем заводе, но я её совсем не знала. Однажды она подошла ко мне на улице:

– Я слышала, Вы писатель. У Вас книга вышла. Я бы хотела с Вами встретиться, рассказать Вам про свою жизнь. Может быть, напишете потом...

– Ну что Вы, какой я писатель! – отмахнулась я.

Дома мы с Давидом посмеялись по этому поводу. Хотя у меня вышло к тому времени уже немало книг, я ещё не привыкла к званию "писатель" и иначе как в ироническом ключе его к себе не применяла. Эта женщина ещё пару раз подходила ко мне, соблазняя рассказом о своей "трудной, богатой событиями жизни", но я отделывалась какими-то отговорками. И вдруг узнаю о её смерти. Вот уже год мне не даёт покоя эта её нерассказанная жизнь. Она словно предчувствовала свою смерть и спешила остаться этим рассказом хоть в чьей-нибудь памяти. Как сильна в людях эта потребность остаться, хоть частичкой своей жизни, хоть проблеском её в чьём-то сознании, вырваться из предначертанного судьбой замкнутого круга одиночества, не дать оборваться цепи времён. А я бездумно оборвала это звено. Вместе с женщиной ушла навек её тайна. Что она хотела мне поведать? Может быть, ей нужен был совет, доброе слово, просто хотелось облегчить душу исповедью? Может быть, эта её жизнь помогла бы и мне что-то понять в своей собственной? Может быть, мы друг другу были посланы свыше?..

А несколько лет назад на нашей лестничной площадке жила одна семейная пара: старик со старушкой. Он был слепой. Она каждый день водила его по двору на прогулку. Он – в чёрных очках, с палочкой, она – седенькая, всегда аккуратно одетая, шла, держа его под руку, слегка припадая головой к его плечу. Они гуляли по кругу. Такие одинокие, беспомощные, трогательные.

Потом она умерла. Он долго не выходил из квартиры. Вышел в праздник 9-го мая. Я увидела его с балкона. Он сидел на лавочке: грудь в орденах, чёрные очки, палочка. Впервые один. Я смотрела, умирая от жалости. Хотелось спуститься, подойти, взять под руку, поводить по двору так же, как она. Но что-то во мне не пускало. Не условности, а ощущение, что этим сделаю ему больно. Ведь я – это не она. Я ему напомню, разберёжу. Он сидел молча. За чёрными очками ничего не было видно. Что он думал? Какой ад творился в его душе?

Вскоре старик умер. В их квартире поселились родственники: дочь и внучка с семьёй. Как-то дочь принесла нам пирог. Не простой, а какой-то особый, якобы приносящий счастье,

если им поделишься с несколькими близкими людьми. Я удивилась, ведь я же ей в сущности никто, мы еле знакомы.

– Вы папу с мамой моих знали, – сказала она, глотая слезы.

И ещё одного соседа я не могу забыть. Он умер недавно, прошлым летом. Это был сосед сверху. Я его не любила: от него постоянно были какие-то неудобства. Он без конца что-то чинил, прибывал, стук стоял на весь дом. То и дело нас заливал, причём всякий раз отрицал свою вину, уверяя, что это якобы "по трубе", хотя пятна расплывались в центре. А когда этот инцидент случился в очередной раз в отсутствие Давида – он был в командировке, и я заявила к нему с претензиями, так даже попытался ко мне приставать. Я тогда аж задохнулась от возмущения: мало того, что залил, так ещё и... Словом, симпатии этот человек у меня, мягко говоря, не вызывал. И вот однажды встречаю его во дворе, ведомого под руку родственницей – дочерью, что ли, которая приехала, видимо, вызванная телеграммой. Инфаркт. Я его с трудом узнала: исхудал до невозможности, трясётся весь, с палочкой, в глазах – ужас. Этот ужас говорил яснее всяких слов: он – оттуда.

Шли дни, недели. Он уже стал ходить по двору один. Быстро-быстро, вокруг дома, стуча своей палочкой, с ужасом в глазах. За ним гналась смерть. Он, казалось, слышал её дыхание и спасался бегством. Наверное, ему сказали врачи, что нужно каждый день выходить на свежий воздух, и он практически не выходил из двора. Я вспоминала, глядя на него, строки Сологуба:

Подыши ещё немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым.

Говорят: перед смертью не надышишься. Это был тот случай, когда поговорка воспринималась буквально.

У подъезда он беспомощно звал, подняв голову: "Лида!" Не мог сам открыть дверь, не мог вызвать лифт. Сидел на лавочке со стариками, с кем раньше не сидел никогда. Он жался к ним потеснее, словно хотел обмануть смерть: вот он тут, в тесном рядке с людьми, они его не выдадут ей, ведь правда? Искательно заглядывал в глаза: ведь я такой же, как они все, да? Вот я сижу здесь, дышу, смотрю, слушаю, и ничего со мной не может случиться. Боже, как он не хотел в лапы смерти! И как чувствовал её неумолимую неотвратимость.

Однажды сидела на балконе, читала. Вдруг слышу: "твою ма-ать!" Он грохнулся со своей палкой. Стоял на коленях и не мог подняться. Сколько в этом ругательстве было тоски, обречённости, отчаянья. Я подумала: это всё. Он понял, что ему не выкарабкаться, не подняться. На другой день он умер.

Собака выла, как человек. А жена была спокойна.